

Д. Е. АФИНОГЕНОВ

**ИСТОЧНИК РАССКАЗА О КРЫМСКИХ СОБЫТИЯХ 705 И 711 гг.
В «ХРОНОГРАФИИ» ФЕОФАНА ИСПОВЕДНИКА**

Одним из основных источников по истории Херсона и Боспора хазарской эпохи, как известно, является «Хронография» Феофана Исповедника, составленная в 813-814 гг., но содержащая многочисленные заимствования из более ранних источников. Рассказ о событиях в Крыму, приведших к повторному воцарению императора Юстиниана II в 705 г. и к его свержению шестью годами позже, представляет собой хороший пример такого заимствования. Однако природа источника, из которого Феофан в данном случае почерпнул свои сведения, и, соответственно, его датировка, политико-пропагандистская тенденция и направление возможных искажений исторической истины со стороны его автора остаются до сих пор невыясненными. Между тем, в последнее время в исследовании источников «Хронографии» для византийской истории VII–VIII в. наметился определенный прогресс, который, хотелось бы надеяться, позволит существенно уточнить наши представления о тех утраченных сочинениях, фрагменты которых сохранил для нас Феофан.

Наиболее важным шагом вперед, на мой взгляд, явилось установление того факта, что Феофан и другой византийский хронист, Георгий Амартол, работавший в 846-847 гг. [1, с. 19-29], пользовались для описания византийской истории 717-775 гг., то есть правлений императоров Льва III и Константина V, одним и тем же источником независимо друг от друга. Этот источник, условно названный мною **Historia Leonis*, появился в период с 775 по 787 гг. (а вероятнее всего, в 780-784 гг.) в окружении протоаскрита и будущего патриарха Тарасия и представлял собой политически и религиозно крайне тенденциозное, однако претендующее на объективность, историческое (или псевдоисторическое) сочинение,

рассказывавшее о правлении вышеупомянутых государей [2, р. 1-17]¹. Начиналось оно с краткого вступления, содержавшего информацию о происхождении и карьере Льва III, а также о событиях, приведших к его воцарению в 717 г., а именно, о вторжении арабов под предводительством Масламы в Малую Азию в 716 г., осаде ими Константинополя в следующем году и, наконец, о разгроме врага и снятии осады в 718 г. Лев III изображался в **Historia Leonis* крайне негативно, как инициатор иконоборчества. Между тем, для приблизительно того же периода времени Феофан явно дополнительно использовал еще один источник, относившийся к тому же императору положительно. П. Шпек идентифицировал три больших фрагмента как заимствования из гипотетической биографии Льва, названной им **Vita Leonis* [4, S. 237-242, 238-239]: рассказы об экспедиции Масламы и Сулеймана в Малую Азию в 716 г. [5, р. 386,25–390,19], о приключениях Льва на Кавказе [5, р. 391,5–395,12] и, наконец, об осаде Константинополя в 717-718 гг. [5, р. 395,13–398,4; 399,5-19]. Третий из этих фрагментов, однако, по моему мнению, принадлежал к **Historia Leonis*, а отмечаемое в нем нейтральное (не положительное²) отношение ко Льву объясняется контекстом столкновения христиан под его предводительством с сарацинами. Весьма вероятно, впрочем, что автор **Historia Leonis* в этой части своего произведения пользовался **Vita Leonis* как источником, потому что в хронике Георгия Амартола также содержится краткий пересказ событий 716/717 гг., с фактической стороны близкий Феофану, но с враждебной по отношению к Льву интерпретацией, по всей видимости, взятый из **Historia Leonis*. Для дальнейшего изложения важно, что при тщательном рассмотрении оказалось, что, по крайней мере, для периода 719–775 гг. Феофан пользовался всего двумя источниками – восточной хроникой³ для описания событий в арабском Халифате и **Historia Leonis* – для собственно византийской истории.

Для того, чтобы отделить части текста, заимствованные из источника, благоприятно настроенного по отношению к Льву III, от фрагментов, восходящих к памфлету против него, я применил ряд дополнительных критериев. По крайней мере два из них дали достаточно убедительный результат, который можно представить в виде таблицы:

¹ Под «хроникой Георгия Амартола» здесь и далее имеется в виду первая редакция его сочинения, сохранившаяся по-гречески в рукописи Coisl. 305 и по-славянски в т.н. «Летовнике» [1]. Раздел, посвященный Льву III [Coisl. 305, f. 326-331], в этой версии, греческий текст которой до сих пор не издан, сильно отличается от опубликованного [3, р. 735,12–750,13].

² Я опускаю здесь весьма сложную дискуссию о выражении εὐσεβῆς βασιλεὺς, дважды примененном к императору в этом разделе (согласно части рукописей «Хронографии») [подробнее см.: 2, р. 14-15].

³ По-видимому, это была грекоязычная хроника, составленная в Эдессе (возможно, Феофилом Эдесским) и сохранившаяся, помимо Феофана, в многочисленных сироязычных хронографических компиляциях [6, р. 578-587]. Обзор различных мнений по этому вопросу см.: [7, S. 46-48].

Таблица 1

<i>Критерии</i>	<i>*Vita Leonis</i> [5, p. 386,25–390,26; 391,15–395,2, ок. 7,5 с.]	<i>Рассказ об осаде Константинополя</i> [5, p. 395,12–398,4, менее 3-х с.]
Упоминания божественного вмешательства Арабы названы «врагами» (ἐχθροί/πολέμιοι)	0	4
	0	4

Поскольку цифры оказались статистически значимыми, следующая задача заключается в том, чтобы проверить, не помогут ли такие же или подобные критерии выявить источники предшествующей части «Хронографии» Феофана. Основная проблема заключается в следующем: сколько источников хронист использовал для изложения византийской истории от смерти Ираклия (641 г.) до 716/717 гг., когда он начинает систематически заимствовать из **Historia Leonis*. Эксерпты из «Восточной хроники», как известно, встречаются и здесь. Что же касается византийских дел, то тут ситуация значительно менее ясна. Хотя в повествовании Феофана довольно четко просматриваются различные стилистические и содержательные пласты, найти такую методику, которая позволила бы провести объективное разделение между частями текста, прежде чем их можно было бы сравнить друг с другом, весьма сложно. Тем не менее, некоторые разумные и даже общепризнанные основания, как представляется, могут быть найдены. Исследователи давно заметили, что византийский материал в «Хронографии», относящийся к царствованиям Константа II (641-668) и Константина IV (668-685), скуден, перепутан и плохо датирован, тогда как начиная с царствования Юстиниана II информация хрониста становится более подробной и систематичной [8, p. LXXXIX-XC]. Поэтому для первого статистического эксперимента я взял следующие два раздела «Хронографии»: первый, описывающий правление Константа и Константина, и второй – от воцарения Юстиниана II до прихода к власти Льва III. При этом фрагменты, взятые, как уже было доказано, из **Historia Leonis*, из сравнения исключаются.

Вот результаты, полученные с помощью уже применявшихся критериев:

Таблица 2

<i>Критерии</i>	<i>От Ираклия до Юстиниана II</i> [5, p. 341,12–361,16, ок. 20 с.]	<i>От Юстиниана II до Льва III</i> [5, p. 363,6–395,2, ок. 32 с.]
Авторские ссылки на Божию помощь или наказание.	7	0
Враждебные отзывы об арабах.	4: μισόχριστοι, θεομάχοι (2 р.), ἀρνηταὶ τοῦ Χριστοῦ	2: ἐχθροί

Хотя то обстоятельство, что религиозно окрашенные отрицательные характеристики арабов появляются только в первом из рассматриваемых разделов, также заслуживает серьезного внимания, критерий «божественного вмешательства» дает по-настоящему статистически релевантный результат. Поэтому можно предварительно предположить, что Феофан черпал информацию для периода

641-684 гг. с одной стороны, и 685-717 гг. с другой, из разных источников. Такой вывод находит полное подтверждение, если применить еще один критерий, а именно, частотность употребления заимствованных слов латинского происхождения. Этот критерий был избран потому, что многие пассажи в «Хронографии» после 6177 г. от сотворения мира изобилуют словами, относящимися к своего рода профессиональному военному «жаргону», который в Византии содержал множество латинских или греко-латинских лексем. Для того, чтобы сделать результаты более наглядными, я исключил из сравнения все термины, обозначающие чины или должности, а также константинопольские реалии (напр., *σένζος*). Результаты подсчета сведены в следующей таблице:

Таблица 3

Латинские слова с производными	После Ираклия	От Юстиниана II до Льва	* <i>Historia Leonis</i> [5, p. 395,2-449,1] ⁴
ἀβῆναι	0	1	0
ἀπληκεύω	0	7	2
ἀρμαμέντον	0	1	1
ἄρματα	0	2	3
ἄστα	0	1	0
βίγλα	0	1	1
ἐνόρδινος	0	1	0
καβαλλαρικός, καβαλάλικεύω etc.	1	12	3
κάμπος	0	2	2
κόρδα	0	1	0
κούρσον	0	1	0
κουρσεύω	0	3	0
λωρίκιον etc.	0	2	1
λῶρος	0	1	0
μονῆτα	0	1	0
ὄπερες	0	1	1
ὄψις	0	2	0
ὄφικιον	0	1	0
πάκτον	4	0	1
πόρτα, παραπόρτιον	1	3	0
πραιδεύω	0	2	0
ρόγα	1	0	0
σοῦβλα	0	1	0
ταξάτιών, ταξάτος	0	7	0
τένδα	0	1	0
φамиλία	0	5	1
φλάμουλον	0	1	0
φῶσα, φωσάτον etc.	0	3	2
Всего	7	64	18
На страницу	0,35	2	

Цифры, как можно видеть, весьма впечатляющие, особенно если учесть, что из четырех слов латинского происхождения в левой колонке в средней встречается только два, причем наиболее часто употребляемое – *πάκτον* – не в их числе.

⁴ Приведено здесь только для иллюстрации. Латинские слова, встречающиеся в этой части «Хронографии», но не в двух других из сравниваемых, в таблицу не включены, так что постраничный коэффициент для третьей колонки не приводится.

Теперь вряд ли можно сомневаться, что два рассматриваемых раздела восходят к разным источникам. Следующий вопрос, на который предстоит ответить, касается возможных внутренних подразделений той части «Хронографии», которая посвящена правлению императора Юстиниана II и его преемников вплоть до восшествия на престол Льва III. Есть ли необходимость постулировать для этого текста два или более источников?

Если Феофан и в самом деле использовал здесь более чем один источник, одним из них должна была быть **Vita Leonis*, два больших и легко вычлняемых фрагмента которой описывают перипетии путешествия Льва на Кавказ и арабское вторжение в Малую Азию в 716 г. Проверка на частотность латинской лексики дала следующие результаты:

Таблица 4		
Латинские слова с производными	[5, p. 363,6–386,13, около 23 с.]	* <i>Vita Leonis</i> [5, p. 386,25–390,26; 391,15–395,2,около 7,5 с.]
ἀβῆναι	1	0
ἀπληκεύω	4	3
ἀρμαμέντον	0	1
ἄρματα	2	0
ἄστα	1	0
βίγλα	0	1
ἐνόρδιнос	1	0
καβαλλαρικός, καβαλλικεύω etc.	7	5
κάμπος	2	0
κόρδα	1	0
κοῦρσον	1	0
κουρσεύω	1	2
λωρίκιον etc.	0	2
λῶρος	1	0
μονῆτα	1	0
ὄπερες	1	0
ὄψις	0	2
ὄφικιον	1	0
πόρτα, παραπόρτιον	3	0
πραιδεύω	0	2
σοῦβλα	1	0
ταξατιών, ταξάτος	4	3
τένδα	0	1
φαμίλια etc.	2	3
φλάμουλον	1	0
φῶσα, φωσάτον etc.	1	2
Всего	37	27
На страницу	1,61	3,6

В этом случае соотношение коэффициентов составляет всего 2,2 по сравнению с 5,7 для предыдущей сравнительной таблицы, причем наиболее употребительные корни распределены между двумя блоками текста почти равномерно, так что данный критерий очевидным образом не может быть использован для разделения двух сравниваемых здесь разделов с какой бы то ни было степенью статистической вероятности.

Здесь следует обратить внимание на следующее обстоятельство: в то время как различия между **Vita Leonis* и общеисторическим повествованием о периоде 685-717 г. еще предстоит установить, несколько очень важных общих черт очевидны уже на данной стадии: широкое использование латинской лексики, в основном относящейся к военной сфере, скорее нейтральные отзывы об арабах и, что самое примечательное, полное отсутствие упоминаний о сверхъестественном вмешательстве в события. Одной только последней особенности, на мой взгляд, достаточно, чтобы серьезно задуматься об одном и том же источнике, поскольку она ни в коем случае не характерна ни для предыдущей, ни для последующей части «Хронографии». Такое решение (один источник вместо нескольких) предпочтительно также по методическим соображениям, поскольку начало VIII в. было временем, когда литературная продукция в Византии достигла своей нижней точки. Поэтому можно предварительно постулировать один источник, использованный Феофаном для периода 685-717 г.⁵ Аргумент, выдвинутый в пользу отделения **Vita Leonis* от предшествующего повествования, а именно отсутствие каких-либо следов этого текста в «Бревиарии» патриарха Никифора [8, р. LXXXVII-LXXXVIII]⁶, не имеет большой доказательной силы. Поскольку миссия Льва на Кавказе не имела серьезного значения для общеимперской истории, Никифор, по-видимому, просто не счел удобным упоминать о ней в своем чрезвычайно кратком рассказе, тогда как события 716 г., о которых Никифор был по меньшей мере столь же хорошо информирован, как и Георгий Амартол (поскольку оба, очевидно, пользовались **Historia Leonis*), резюмированы в «Бревиарии» двумя фразами, причем настолько небрежно, что Маслама, командующий арабскими сухопутными силами, оказался предводителем флота! [10, р. 52, 7-13].

Перечень сходных моментов можно расширить. Вот в каком свете изображаются различные византийские императоры, начиная с второго царствования Юстиниана II, в **Vita Leonis* и в предыдущем тексте:

Таблица 5

Императоры	Трактовка в <i>*Vita Leonis</i>	Трактовка в остальной части текста
Юстиниан II	Отрицательная (хотел убить Льва)	Отрицательная
Вардан Филиппик	Нет данных	Отрицательная
Артемий-Анастасий	Положительная (Лев принял его сторону против Феодосия III)	Положительная

⁵ Т. А. Дьюкет предположил, что один и тот же автор описал правление Вардана Филиппика и кавказскую миссию Льва [9, р. 283, п. 68]. Главный аргумент исследователя, а именно специфический узус глагола $\delta\phi\epsilon\acute{\iota}\lambda\omega$, заслуживает самого серьезного отношения. Однако вся конструкция Дьюкета, связанная с патрикием Траяном [9, р. 263-277], представляется малообоснованной.

⁶ Нужно заметить, что для Манго отсутствие этих фрагментов у Никифора дает основание «приписывать их [источнику] №15». Однако этим номером обозначен «антимонофелитский трактат». Вероятно, следует читать «№ 16» – «Константинопольская хроника с 668 по приблизительно 720 г.».

Феодосий III	Отрицательная (Лев не признал его и в конце концов сверг)	Отрицательная
Лев III	Положительная	Положительная (Артемий назначал очень способных военачальников [5, р. 383,29-30], одним из которых был Лев, назна- ченный стратигом фемы Анатолик)

Таким образом, становится ясным, что нашему гипотетическому источнику необходимо присвоить новое условное наименование, поскольку биографический материал о будущем императоре Льве III содержится лишь в двух фрагментах, называемых выше **Vita Leonis*, тогда как остальной текст повествует о событиях, в которых его участие не упомянуто вообще. Поэтому если обозначить источник двух фрагментов, посвященных Льву, как его биографию, то придется постулировать два источника вместо одного. Так как Лев стал спафарием в начале второго правления Юстиниана II (705-711) [5, р. 391,10-11], а к 717 г. у него была дочь брачного возраста (которую он выдал замуж за Артавасда) [5, р. 386,18-19; 395,10-12], биография императора, если она существовала, должна была описывать более или менее одинаковый промежуток времени с автором, рассказывающим об общезначимых событиях византийской истории (я предлагаю называть его **Scriptor anni 717*), то есть 685-717 гг. Однако чрезвычайно подробное повествование о некоторых эпизодах из жизни Льва III само по себе не является достаточным основанием для постулирования еще одного источника, биографического, а не исторического содержания, для того же самого периода, если существует вероятность того, что это повествование составляло часть одного произведения наряду с более общими заметками о политических и военных событиях в империи. Поэтому данное гипотетическое произведение будет в дальнейшем именоваться **Scriptor anni 717*.

В то время как последний фрагмент, который можно с уверенностью определить как происходящий из **Scriptor a. 717*, помещен у Феофана под этим самым годом, сам источник мог быть создан только в течение следующего, 718 г., поскольку самое позднее летом 719 г. свергнутый император Артемий предпринял попытку вернуть себе власть, что окончилось суровым наказанием для заговорщиков со стороны Льва III. В таком контексте положительные отзывы об Артемии (особенно информация о том, что Лев принял его сторону против Феодосия III) были бы несовместимы с благоприятной по отношению ко Льву тенденцией произведения. Более того, такие отзывы поставили бы под сомнение лояльность автора царствующему императору. Поэтому было бы логично предположить, что **Scriptor a. 717* писал до 719 г., может быть, даже во второй половине 717 г. Наиболее естественным заключением его сочинения могло быть либо восшествие Льва на престол, либо отплытие арабского флота восвояси после позорно провалившейся осады Константинополя. Сделать уверенный выбор здесь невозможно, поскольку, как уже было указано, Феофан и Никифор заимствовали

описание осады 717/718 гг. из другого источника (который, в свою очередь, вполне мог основываться на *Scriptor a. 717* при описании событий 716-718 гг.).

Трудно не заметить, что заметки, посвященные в нашем реконструируемом источнике императору Юстиниану II, выставляют его в поразительно неблагоприятном свете. Что было тому причиной? Данная проблема подробно разбирается С. Хед [11, р. 17-18], которая доказывает, что историография, созданная при Льве III, отражала его собственную ненависть к Юстиниану, и предлагает следующие объяснения этой ненависти:

1. «Лев... справедливо или нет... был убежден, что Юстиниан однажды попытался подстроить его убийство»;

2. Лев как иконоборец хотел очернить Юстиниана как ревностного сторонника почитания икон;

3. Лев хотел ответить на возможные посягательства со стороны претендентов, выдававших себя за родственников Ираклиевой династии. Об одном таком случае сообщают Феофан и Бар-Эбрей [5, р. 411,2-9; cf. 12, р. 110 (цитируется по: 11)].

Однако конкретно для 717-718 гг. только первое объяснение может быть признано состоятельным, и даже оно не имеет большого веса, поскольку, как отмечает сама С. Хед [11, р. 130-131], если Лев действительно вернулся с Кавказа «еще при жизни Юстиниана, тот не предпринял против него никаких действий»⁷. Далее, если наш историк так интересовался приключениями Льва, что очень подробно рассказал о его путешествии на Кавказ, то почему он совершенно умолчал о карьере будущего императора между его возвращением и восшествием на престол Артемия? У Феофана не было причин опускать сведения о том, что Лев служил на высоких должностях при Юстиниане, потому что это еще больше опорочило бы зачинателя иконоборчества и полностью согласовывалось бы с утверждениями **Historia Leonis* относительно того, что Лев был обязан своим выдвижением поддержке, которую он оказал Юстиниану в 705 г. [5, р. 391,8-11]. С другой стороны, Феофан скопировал тот пассаж из **Scriptor a. 717*, где тот приписывает Юстиниану намерение устранить Льва [5, р. 391,22], так что хронист, скорее всего, просто не нашел в своем источнике никаких сведений о том, что Лев делал в последние годы второго правления Юстиниана. Наиболее естественное объяснение такого умолчания со стороны **Scriptor a. 717* состоит в том, что карьера Льва в течение второго правления Юстиниана была весьма успешной⁸, но историк не посчитал удобным сообщать об этом.

⁷ Я не буду обсуждать здесь информацию поздних историков (Зонара), которые утверждают, что Лев вернулся с Кавказа при Артемии, поскольку я не вижу абсолютно никаких оснований сомневаться в том, что фраза у Феофана [5, р. 395,1-2], где говорится о возвращении Льва при Юстиниане, восходит к современному событиям источнику.

⁸ Лев был простым спафарием, когда он отправился к аланам, а в 713-715 гг. он стал патриkiem и стратигом фемы Анатолик – слишком резкое возвышение, если он никак не продвинулся в чинах уже до 711 г. Кроме того, фрагмент, который наверняка происходит из **Historia Leonis*, называет Льва «близким другом» Юстиниана [5, р. 391,11]. Автор, вероятно, имел в виду его дальнейшее повышение, потому что чин спафария представляется слишком низким для близкого друга императора.

Это, однако, возвращает нас к исходной точке: **Scriptor a. 717* был настроен благосклонно ко Льву и враждебно к Юстиниану и сделал все возможное, чтобы скрыть связи между ними. Но чем была мотивирована эта его враждебность к Юстиниану?

Вернемся теперь к тем непропорционально большим по отношению к окружающему тексту фрагментам, где описываются события в Крыму в 705 и 711 гг. [5, р. 372,26–374,8, 377,22–380,3]. Интересно, что эти рассказы, а точнее, второй из них очень сходен с вышеупомянутыми двумя эпизодами, главным действующим лицом которых является будущий император Лев III: он также чрезвычайно подробен и представляет собой информацию из первых рук или даже отчет очевидца. Поэтому, если все три текста были написаны одним и тем же человеком (а это очень вероятно, в том числе по стилистическим соображениям), нужно предполагать, что он сопровождал Льва в его путешествии к аланам или же записал его рассказ сразу после его завершения, затем посетил Херсон вместе со второй экспедицией, посланной туда Юстинианом в 711 г. (описание событий 705 г., хотя оно тоже достаточно детальное, выглядит скорее как передача рассказов местных жителей), а 5 лет спустя записал то, что Лев сообщил ему о кампании 716 г. Сделаем теперь следующий логический шаг и предположим, что херсонская экспедиция описывается у **Scriptor a. 717* столь подробно потому, что Лев имел к ней какое-то отношение. Тогда почему он ни словом не обмолвился о будущем императоре, тщательно перечислив при этом имена и должности других командиров [напр.: 5, р. 378,26–29]? Гипотезу, которую я собираюсь предложить, сложно доказать из-за скудости наших источников, однако она дает убедительные и последовательные ответы на поставленные вопросы.

По моему мнению, Лев действительно участвовал во второй экспедиции, отправленной Юстинианом II в Херсон в 711 г. под командованием патрикия Мавра Бесса [5, р. 379,17sq.]⁹. На самом деле нет ничего априори невероятного в присутствии Льва в Херсоне в качестве одного из главных лиц византийского корпуса. После кавказской миссии Юстиниан, вполне вероятно, рассматривал Льва как эксперта по связям с народами этого региона, прежде всего, с хазарами. Позднейший беспрецедентный брак порфирородного наследника престола Константина с дочерью хагана также может указывать на непосредственную личную причастность Льва к крымско-хазарским делам. Однако херсонская экспедиция окончилась мятежом против Юстиниана II и провозглашением Вардана Филиппика, в чем Лев Исавр, как я подозреваю, сыграл далеко не последнюю роль. Если это обстоятельство было широко известно в Константинополе, лояльный Льву историк, с одной стороны, должен был оправдать действия своего патрона, а наиболее легкий способ сделать это заключался в очернении Юстиниана и представлении его в качестве

⁹ О числе экспедиций см.: 13, р. 167. Стратос дает хороший обзор нестыковок и преувеличений в херсонском рассказе.

невыносимого бедствия для империи, от которого нужно было избавиться любой ценой. Прецедент для такой интерпретации уже был создан официальной пропагандой Артемия-Анастасия, как можно видеть из Послания диакона Агафона (713) [14, XII, 189-196, 192А-С]. С другой стороны, предполагаемый автор, видимо, полагал неудобным восхвалять поведение Льва в 711 г. по двум причинам: во-первых, среди византийцев в 717-718 гг., очевидно, были люди, не разделявшие такого мнения о Юстиниане¹⁰ и наверняка было много тех, кто относился к Ираклиевой династии с большим почтением и ностальгией; во-вторых, преемник Юстиниана, Вардан Филиппик, оказался, согласно тому же **Scriptor a. 717*, ничуть не лучше своего предшественника. В рассказе о второй херсонской экспедиции, как его сохранил Феофан, просматривается четкая тенденция к тому, чтобы представить действия Мавра и его людей как вынужденные: «Поскольку флот не добился цели и не осмеливался вернуться к императору, они прокляли Юстиниана, а Вардана тоже провозгласили царем»¹¹. Следует заметить, что предполагаемый вождь мятежа, патрикий Мавр, фигурирует в весьма непривлекательной роли в сцене, описывающей жестокое убийство Тиверия, маленького сына Юстиниана [5, p. 380, 15-29], несмотря на мольбы его бабушки, вдовы императора Константина IV Анастасии. Автор выражает свое отвращение к этому бесчеловечному акту достаточно явно, чтобы заключить, что пропаганда Льва III была обращена к аудитории, питавшей сильную привязанность к Ираклиевой династии. Поэтому те невероятные усилия, которые автор благосклонного ко Льву сочинения прилагает к тому, чтобы преуменьшить достижения Юстиниана и преувеличить его упущения, можно объяснить только если предположить, что участие Льва в херсонском мятеже было в Византии общеизвестно.

Из всего вышеизложенного явствует, что произведение **Scriptor a. 717* являлось пропагандистским текстом, написанным с целью представить приход к власти Льва III как долгожданное окончание несчастий, постигших империю

¹⁰ Ср. добавление к Бревиарию патриарха Никифора, находящееся в рукописи Московской Синодальной библиотеки [ГИМ, Синод гр. 231, л. 6-6 об.], где Юстиниану II дается следующая оценка: «При нем настал глубокий мир для Церкви и для вселенной: ему платили дань сарацины, он изрядно разорил светловолосые племена, большую часть государства вернул от сарацин, сохранив руки чистыми от христианской крови» – ἐπὶ τούτου εἰρήνη βαθεῖα τῇ ἐκκλησίᾳ καὶ τῇ οἰκουμένη γεγένηται· τούτῳ φόρους τελοῦσι Σαρακηνοὶ· ἔθνη τὰ ξανθὰ ἰκανῶς ἐξέπόρθησεν [-αν χοδ.] μέρος πολὺ τῆς πολιτείας ἐκ τῶν Σαρακηνῶν ἀνεσώσατο, χεῖρας φυλάξας ἀναιμάκτους ἀπὸ χριστιανῶν [цитируется по: 15; 16, p. 307].

¹¹ ἀπράκτου δὲ τοῦ στόλου γεγονότος καὶ πρὸς τὸν βασιλέα ὑποστρέψαι μὴ τολμώντος, τὸν μὲν Ἰουστινιανὸν ἀνέσκαψαν, τὸν δὲ Βαρδάνην ὡς βασιλέα καὶ αὐτοὶ εὐφήμησαν [5, p. 379, 26-29]. Перевод Манго несколько отличается: "Being reduced to inaction, the fleet did not dare to return to the emperor; and so, they, too, cursed Justinian and proclaimed Bardanes emperor" [8, p. 528]. Такое осуждение происшедшего находится в явном контрасте с безоговорочным осуждением провозглашения Вардана у Агафона [14, XII, 192В].

с воцарения Юстиниана в 685 г. С этой точки зрения повествование можно разделить на несколько больших блоков, каждый с четкой пропагандистской установкой. Некоторые из этих блоков Феофан оставил как есть, в то время как другие были разбиты на фрагменты при аналитическом распределении материала. Можно выделить три основных составляющих нашего реконструируемого источника:

1. Эпизоды, иллюстрирующие плохое управление и недостаточную полководческую компетентность Юстиниана II и приводящие к мысли, что его свержение было оправдано.

2. Эпизоды, иллюстрирующие военные дарования и дипломатическую ловкость Льва и приводящие к мысли, что он был наилучшим кандидатом на престол.

3. Описание крымских событий 711 г., призванное внушить следующие три идеи: а) мятеж против Юстиниана был вызван его собственной жестокостью; б) при данных обстоятельствах не было иного выбора, кроме Филиппика; в) всем руководили другие люди, а вовсе не Лев.

Чтобы придать своему сочинению больше объективности, **Scriptor a. 717*, вероятно, организовал его как историческое повествование. Этому он достиг, вставив между перечисленными, сильно пропагандистски окрашенными блоками некоторое количество более (для периода 711-715 гг.) или менее (для периода 695-705 гг.) тенденциозных заметок, описывающих политические и военные события византийской истории. В результате появилась последовательная история с 685 по 717 (или 718) гг., однако диспропорция между пропагандистским и чисто информативным слоями текста осталась, и теперь ее можно наблюдать в «Хронографии» Феофана. Какое бы то ни было сознательное редактирование со стороны Феофана, помимо его непредсказуемых искажений и сокращений и часто очень неловкой хронологической разбивки, представляется крайне маловероятным.

Последний вопрос, который необходимо затронуть в настоящей работе – это личность **Scriptor a. 717*. Поскольку он тщательно избегает сводить причину исторических событий к Божией помощи или наказанию, он явно не принадлежал к духовенству. Его язык, полный латинских заимствований и таких очевидно профессиональных выражений как, например, *χωρικοβοήθεια* [5, р. 377, 5], выдает военного человека. Как уже было сказано, он должен был быть очень близок ко Льву, чтобы записать его приключения с такой степенью подробности. Вообще-то, если Лев мог пересказать их так детально, то он, может быть, был в состоянии и записать их сам, как подозревал Бьюри? [17, р. 375, 381]. У двух фрагментов, посвященных Льву, есть одна любопытная особенность: главный герой никогда не характеризуется никакими эпитетами, хвалебными или какими-либо иными. Даже его имя упоминается очень редко, поскольку он постоянно выступает или как *ὁ σπάρταριος* или как *ὁ στρατηγός*. Никакое из его действий не получает прямой похвалы (напр., «мудро», «правильно» и т. п.). Теперь следует вспомнить, что **Scriptor a. 717* писал в то

время, когда Лев был уже царствующим императором, и что его сочинение служило целям исходящей от Льва пропаганды. Однако то, что мы видим в тексте, весьма нехарактерно для придворного историка, пишущего по императорскому заказу. Поэтому приходится выбирать одно из двух: либо Лев был невероятно скромным человеком и дал соответствующие очень строгие указания своему предполагаемому историку, либо **Scriptor a. 717* был не кто иной, как император Лев III Исавр собственной персоной. Конечно, он не был ученым книжником, но для исторического сочинения, повествующего о столь кратком периоде времени, личных воспоминаний высокопоставленного и хорошо информированного военачальника наряду с рассказами старших товарищей по оружию должно было быть достаточно. Во всяком случае на данный момент я не вижу никаких оснований отвергать такую возможность.

Обстоятельства, при которых Лев (или кто-либо писавший по его заказу) мог почувствовать необходимость создать такого рода документ, очень легко себе представить, хотя доказать что-либо, конечно, невозможно. Когда Константинополь еще находился в осаде, стратиг Сицилии Сергей провозгласил собственного императора – некоего Василия Ономагула, которого он переименовал в Тиверия. «Когда император услышал об этом, он отправил Павла, собственного хартулария... и дал ему... повеления, обращенные к западным начальникам и сакуру к народу» [5, р. 398, 12-17; 8, р. 549]. Новое имя императора, несомненно, должно было отсылать к династии Ираклия, что еще раз свидетельствует о том, что многие все еще воспринимали Юстиниана II как последнего законного императора. Лев мог составить текст, описывавший события от первого воцарения Юстиниана до своего собственного восшествия на престол и первых успехов в войне с арабами как раз затем, чтобы обосновать свою легитимность в глазах сицилийского и итальянского населения.

Итак, внутренний анализ «Хронографии» Феофана позволил, на мой взгляд, с большой степенью достоверности определить, что за рассказом о событиях в Крыму в 705 и 711 гг. стоит не просто современник и очевидец (во втором случае), но и человек, сыгравший в них одну из ведущих ролей, а затем определявший политику Византии, в частности, по отношению и к этому региону. Хотелось бы надеяться, что выводы, сделанные в данной работе, помогут исследователям лучше оценить информацию, сохраненную для нас Феофаном.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афиногенов Д. Е.* Рукопись Coislirianus 305: первоначальная версия хроники Георгия Монаха // Славяне и их соседи. Вып. 11. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004.
2. *Afinogenov D.* A Lost 8th Century Pamphlet against Leo III and Constantine V? // *Eranos*. 2002. 100.
3. *Georgii Monachi chronicon* / Ed. C. de Boor. Editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. Stuttgart, 1978.
4. *Speck P.* Versuch einer Charakterisierung der sogenannten Makedonischen Renaissance // *Les Pays du Nord et Byzance*. Uppsala, 1981.

5. *Theophanes Chronographia* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
6. *Brooks E. W.* The sources of Theophanes and the Syriac chroniclers // *Byzantinische Zeitschrift*. München, 1906. Bd. 15.
7. *Rochow I.* Byzanz im 8. Jahrhundert in der Sicht des Theophanes (Berliner Byzantinische Arbeiten 57). Berlin, 1991.
8. *The Chronicle of Theophanes Confessor. Byzantine and Near East History AD 284-813* / Ed. C. Mango and R. Scott. Oxford, 1997.
9. *Duket T. A.* A Study in Byzantine Historiography: an Analysis of Theophanes' Chronographia and its Relationship to Theophylact's History, the Reign of Maurice and the Seventh Century to 711. Diss. Boston College, 1980.
10. *Nikephoros* Patriarch of Constantinople. *Short History* / Text, translation and commentary by C. Mango (Dumbarton Oaks Texts 10). Washington, 1990.
11. *Head C.* Justinian II of Byzantium. Milwaukee, 1972.
12. *Gregorius Abū'l Faraj Bar Hebraeus.* Chronography / Tr. by E.A. Wallis Budge. Oxford, 1932. Vol. I.
13. *Stratos A. N.* Byzantium in the Seventh Century. Amsterdam, 1980. Vol. V.
14. *Mansi J. D.* Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiae, 1766.
15. *Mango C.* The Life of St. Andrew the Fool Reconsidered // *Rivista di Studi Bizantini e Slavi* II. 1982.
16. *Mango C.* Byzantium and its Image. London, 1984. VIII.
17. *Bury J. B.* A History of the Eastern Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). London, 1889.

Afinogenov D. Ye.

The source of the account about the events in Crimea in 705 and 711 in Theophanes' «Chronography»

Summary

The analysis of the chronicle by Theophanes the Confessor makes it possible to identify therein a comparatively uniform block of text, beginning with the ascension of Justinian II (685) and going on to the reign of Theodosios III (715-717). This section startlingly differs from the preceding narrative in its wide use of words of Latin origin, mainly belonging to the military sphere. As a unique phenomenon among different parts of Theophanes' work, this text has no author's references to Gods interference in earthly affairs whatsoever. The section in question includes three disproportionately large and detailed fragments, two of which deal with the exploits of the future emperor Leo III, and the third – with the expedition against Cherson in 711. These accounts are very similar in structure and style. The explanation offered in this paper is that they stem from one and the source, intimately connected with Leo or written by the emperor himself before 719 [17, p. 375; 38]. In this case Leo probably participated in Cherson expedition of 711. He passed his involvement in silence due to easily identifiable propaganda reasons. The supposed source then was made up of three kinds of blocks:

1) Episodes, illustrating Justinian's II bad administration and lack of military competence, leading to the idea that the coup against him was justified.

2) Episodes, illustrating Leo's military prowess and diplomatic skills, leading to the idea that he was the best possible candidate for the throne.

3) The account of events in Crimea in 711 with the following main underlying messages: a) the revolt against Justinian was caused by his own cruelty; b) there was no choice under the circumstances but Philippikos; c) other people were in charge rather than Leo.